
Ольга Соколова
Еще один бокал
18+

Ольга Соколова
Ещё один бокал

https://litres.ru/75016542
SelfPub; 2026

Аннотация

Зависимость - это не только про срывы и правила. Это про стыд, про страх быть непонятым и про то, как тяжело сказать "мне нужна помощь". Аня пытается собрать себя заново, а Глеб будто специально делает всё, чтобы никто не догадался, что ему тоже нужна эта помощь. Их общий творческий проект по ремонту комнаты становится пространством, где можно не притворяться. Здесь каждое слово весит больше обычного, а каждый шаг навстречу - это маленькая победа. Между ними рождается что-то хрупкое и настоящее: не спасение, а взаимное признание - я тоже здесь, я тоже боюсь, но я не один.

Тонкая, честная история о взрослении, уязвимости и о том, что иногда достаточно просто быть рядом.

Содержание

Предисловие 4
Пролог 6
Часть 1: Глава 1 10
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Ольга Соколова
Ещё один бокал

Предисловие

Жизнь — это не прямая дорога от А до Б. Это извилистый путь с крутыми поворотами, обрывами и неожиданными развилками. Мы можем оступиться, упасть, и тогда кажется, что подняться больше нет сил. Но именно в такие моменты мы понимаем: сила не в том, чтобы никогда не падать, а в том, чтобы вставать снова и снова.

Эта книга — не о гладком пути к выздоровлению. Это искренний рассказ о борьбе, неуверенности, падениях и новых попытках. О том, как два человека — девушка и парень — преодолевают трудности реабилитации: вступают на путь новой жизни, сталкиваются с суровой реальностью за пределами центра и… срываются. Снова и снова.

Их история — зеркало для тех, кто сталкивался с зависимостью, поддерживал близких или испытывал трудности. Она показывает: срыв — не приговор и не слабость. Это часть пути, урок, который учит нас лучше понимать себя, осознавать триггеры и просить о помощи.

Моя книга появилась в трудный период жизни. Писательство помогло мне выбраться из бездны отчаяния. Это про-

изведение — отражение моих мыслей и чувств. Не всем оно понравится, ведь тема необычная, а мысли глубокие. Но книга о принятии себя, о том, как важно признавать ошибки и быть собой, какой бы ты ни был.

Пролог

«Рассвет» — частный реабилитационный центр, расположившийся на самой окраине шумной и всем известной Москвы, там, где мегаполис постепенно уступает место тихим пригородам. Окружённый густым смешанным лесом и отделённый от городской суеты высоким глухим забором, он словно застыл вне времени — будто отдельный, замкнутый мир, куда редко проникают отголоски жизни за его пределами.

Центр делился на два крупных корпуса, стоящих в некотором отдалении друг от друга, но соединённых крытой галереей. Первый корпус предназначался для лечения различных видов зависимостей: алкогольной, наркотической, игровой. Второй же принимал пациентов с широким спектром психических заболеваний: от тяжёлых депрессий и биполярного расстройства до шизофрении и последствий острых психозов.

Каждый день здесь начинался одинаково и проходил по жёсткому, неизменному распорядку, который со временем начинал давить на психику сильнее любых лекарств. Семь дней в неделю пациенты проводили в стерильно-белых палатах, одетые в одинаковую белую одежду, укрытые белоснежным постельным бельём. Каждое утро, каждый день и каждую ночь яркие лучи солнца, пробивающиеся сквозь окна,

резали глаза, отражаясь от ослепительно белых стен и простыней.

Обычный день в «Рассвете» проходил по строгому расписанию, не менявшемуся месяцами: подъём, умывание; лёгкая зарядка во дворе под наблюдением медперсонала; завтрак в общей столовой; время отдыха; выполнение бытовых обязанностей: уборка палат, коридоров, помощь на кухне; обед; послеобеденный отдых; индивидуальные и групповые сеансы терапии, консультации с психологами и психиатрами, арт-терапия, занятия по социальной адаптации; ужин; свободное время; вечерний обход врачей; отбой.

Каждую субботу в «Рассвете» наступало что-то вроде праздника — короткий миг облегчения после изматывающей недели. На два часа к пациентам могли приехать родственники. В это время действовало временное послабление правил: разрешалось свободное общение, а главное для многих — курение. Многие пациенты, годами подавлявшие свои привычки, буквально набрасывались на сигареты, выкуривая не одну, а три-четыре пачки за эти два часа. Для них это был единственный способ хоть на долю секунды убежать от реальности, затянуться дымом и на мгновение почувствовать себя свободными.

Через день проводилась совместная терапия для пациентов обоих корпусов. Все собирались в просторном зале с тусклыми лампами и потрёпанными креслами. Люди, обычно замкнутые и отстранённые, здесь понемногу раскрыва-

лись: делились своими историями, рассказывали о борьбе с зависимостью или о том, как впервые почувствовали, что разум начинает их подводить. Эти встречи были тяжёлыми, порой мучительными, но в них рождалась редкая здесь вещь — взаимная поддержка. Кто-то впервые за долгое время слышал: «Я понимаю тебя», кто-то находил в себе силы дать совет, а кто-то просто молча кивал, узнавая в чужой истории свою собственную.

Пациенты «Рассвета» напоминали ходячие тени. Среди них были те, кто долгие годы топил свою боль в алкоголе, те, кто искал забвения в наркотиках, те, кто стоял на краю и пытался покончить с жизнью, и те, кто просто потерял связь с реальностью. Их лица были одинаково мрачными и будто лишёнными жизни. Большие синяки под глазами цвета лазури выдавали бессонные ночи и внутреннюю опустошённость. Тела истощены до предела — кожа туго обтягивала выступающие ключицы и рёбра, а нездорово выступающие тёмно-синие вены проступали сквозь бледную, почти прозрачную кожу.

В этом месте для измученных людей уже не радовали ни яркое солнце, которое казалось тусклым и серым, ни голубое небо, вечно затянутое тяжёлыми тучами. Трава на газонах потеряла свою сочность и выглядела блёклой и безжизненной. Дорожки по краям обросли дикой травой, а лоза, словно пытаясь захватить здание, пустила свои побеги по стенам корпусов. И, соответственно, этот дом стал для многих на-

стоящим адом: всё вокруг казалось неживым, окрашенным в серые оттенки, а каждый новый день был точной копией предыдущего.

Часть 1: Глава 1

В один субботний вечер, когда последние машины с родственниками отъехали от ворот «Рассвета», во двор реабилитационного центра заехали два микроавтобуса с новыми пациентами. Воздух уже успел наполниться прохладой наступающих сумерек, а длинные тени от деревьев протянулись через всю территорию.

Одной из новеньких была Аня. По натуре она была молчаливой и замкнутой — предпочитала слушать, а не говорить, наблюдать, а не участвовать. Но если дело касалось чего-то по-настоящему важного, она могла отстоять свою позицию с упорством, граничащим с ожесточением, — хоть до крови, хоть до последнего слова. Аня выделялась своей нежной, почти неземной внешностью. У неё были мягкие русые волосы, аккуратно спадающие чуть ниже плеч, средний рост и не слишком худое, но подтянутое телосложение — не измождённое, как у многих здесь, а здоровое, что придавало её облику особую изюминку. Её каре-зелёные глаза, словно две далёкие звёзды, вспыхивали особой красотой в лучах закатного солнца, отражая какую-то почти детскую невинность её натуры. Нежнейшие черты лица — тонкий нос, мягкие скулы, едва заметные веснушки у переносицы — и плавность линий фигуры делали её непохожей на остальных. Звучит довольно банально, но в её случае это выглядело особенно,

будто она случайно попала в этот мир из какой-то другой, более светлой реальности.

Выходя из автобуса, Аня удивлённо осматривала округу. Всё было не так, как она ожидала. В её воображении реабилитационный центр представлялся светлым местом для начала новой жизни — с ухоженными клумбами, приветливыми лицами и атмосферой надежды. Но реальность оказалась куда более суровой.

Вместе с толпой новых пациентов она прошла во двор. Перед ней открылась картина, пропитанная тихой тоской: бледные, но ещё зелёные лужайки, местами вытоптанные или заросшие сорняками, где временами лежали больные — кто-то неподвижно смотрел в небо, кто-то курил, опустив голову.

Длинные и широкие дорожки, выложенные когда-то идеально ровной плиткой, теперь имели трещины, будто следы прожитых здесь судеб. Вдоль дорожек стояли несколько декоративных гномов из гипса — когда-то, вероятно, они должны были добавлять месту уюта, но теперь их застывшие улыбки казались пугающими, почти издевательскими.

Старые пациенты реабилитационного центра, которых новенькие про себя сразу окрестили «трупами», оборачивались с пренебрежением и отчуждением. Все они были разными — по национальности, внешности, манере держаться. Кто-то смотрел пустым взглядом, кто-то нервно дёргал рукой, кто-то бормотал что-то себе под нос.

Один человек из толпы особенно привлёк внимание Ани.

Он покосился на неё недовольным взглядом, а после поспешно удалился, по всей видимости, в сад. Он не был похож на остальных. Он будто бы ещё жив. Его кудрявые волосы развевались на ветру, тёмные глаза смотрели остро и цепко, а чёткая линия челюсти придавала лицу мрачный, но грациозный образ. Татуировки по всему телу уходили далеко под рукава и воротник его белой футболки. Сам он был не сильно худой, но и в меру мускулистый — это можно было заметить по мощным предплечьям, которые не скрывала короткая футболка.

Несмотря на всё это описание, Ане этот парень показался обычным самовлюблённым наркоманом, думающим только о себе. Она невольно нахмурилась, провожая его взглядом, но тут же одёрнула себя: здесь, похоже, не стоило судить по первому впечатлению.

В этот вечер Аню расположили в небольшой комнате первого корпуса — узкой, с одним окном, выходящим на ту самую заросшую дорожку. Комната была простой: кровать с жёстким матрасом, тумбочка, стул и шкаф для вещей. Всё выкрашено в бледно-голубой цвет, который когда-то был ярким, а теперь выгорел до сероватого оттенка.

После заселения её направили на ужин. В столовой пахло варёной крупой и слабым чаем. Перед Аней поставили, казалось, уже столетнюю тарелку пшеничной каши с какими-то странными обрубками мяса — то ли курицы, то ли говядины, — и стакан чая без сахара. Ничего большего в плане

еды здесь ожидать не приходилось, но главное, что это можно было съесть.

Отведав дубовую кашу с не таким уж и плохим на фоне каши мясом и, главное, запив чаем, который, соответственно, оказался самым адекватным из всего этого набора продуктов, Аня почувствовала, как усталость дня наваливается на плечи. Она медленно допила чай, поблагодарила молчаливую женщину за стойкой и отправилась в свою комнату.

За окном уже совсем стемнело. Где-то вдалеке слышались голоса пациентов, шуршание листьев на ветру и редкие шаги медперсонала. Аня легла на кровать, натянула тонкое одеяло до подбородка и закрыла глаза. Это была её первая ночь в этом аду — и она ещё не знала, сколько таких ночей ей предстоит пережить.

* * *

Настал первый день приспособления к жизни в реабилитационном центре. Утро для всех началось в половину седьмого. Длительная поездка вымотала Аню, не дав выспаться как следует: она ворочалась полночи, то и дело просыпаясь от каждого шороха за стеной. В мучительном состоянии она встала и в первую очередь подошла к закрытому окну.

Солнца ещё не было — лишь тёмное небо и всё ещё яркие звёзды, будто застывшие в вечности. Двор реабилитационного центра был освещён луной, которая уже уходила вдаль, предвещая скорый восход. Двор выглядел немного мрачно, но красиво, с таинственным подтекстом: длинные тени от де-

ревьев переплетались на земле, а редкие фонари отбрасывали желтоватый свет на потрескавшуюся плитку дорожек.

Аня пошла в ванную. Там лежал один кусок жёлтого хозяйственного мыла с неровными краями, старая зубная щётка с потрёпанными щетинками и небольшой тюбик пасты, выдавленный почти до дна. Девушка привела себя в порядок — умылась холодной водой, чтобы прогнать остатки сна, почистила зубы и пригладила волосы.

Выйдя на улицу на групповую зарядку, она ощутила, как лёгкий, но достаточно холодный ветер играет с её волосами, оставляя дрожь и мурашки по коже. Одновременно приятно и неприятно — будто тело заново учится чувствовать. Свежая трава и листья деревьев с тихим шумом колыхались по всему двору. Небо уже не такое тёмное, а скорее фиолетовое, с лёгкой розовой полоской на востоке. Гномы стояли на прежних местах, широко улыбаясь своими застывшими гипсовыми улыбками — теперь они казались ещё более неуместными в этой утренней тишине.

На небольшой площади собралось много народа — пациенты в белых футболках и штанах, несколько руководителей по физической культуре в спортивных костюмах. Все стояли в шахматном порядке, поэтому новенькая встала с краю, чтобы никому не мешать.

— Разминаем шею круговыми движениями, — громко и чётко произнёс один из физруков, высокий мужчина с седыми висками. — Делаем это медленно, плавно, не ощущая ни-

какой боли. Теперь круговые движения плечами…Весь народ послушно и молча повторял эти движения. Все по-прежнему были одеты в белые штаны, футболку и что-то вроде кроссовок — униформа центра, стирающая индивидуальность.

— Давайте, в темпе, в темпе, ребятки! — добавил другой мужчина, помоложе, который делал движения с активностью и радостью, немного припрыгивая на носках. Его энтузиазм казался почти искусственным на фоне общей апатии остальных.

Зарядка длилась приблизительно полчаса. После неё тело приятно тянуло от растяжения мышц — можно было подумать, что сейчас взлетишь от лёгкости. Аня почувствовала, как напряжение понемногу покидает её плечи, а дыхание становится ровнее.

Люди толпой пошли в столовую на завтрак. Сегодня была овсянка, чай без сахара и кусочек хлеба с маслом. Всё выглядело не очень аппетитно — каша казалась слипшейся, масло слегка подтаяло, чай пах какими-то травами, — но это всё же съедобно.

Аня села за пустой стол со своим подносом. Все практически молча ели, изредка перекидываясь короткими фразами. Девушка, принимая пищу, случайно почувствовала, будто кто-то смотрит на неё со стороны. Она осмотрелась, не заметив ничего подозрительного. Но нет — сзади неё, за пустым столом, сидел тот загадочный парень, который вчера

встречал её у самых ворот. Он смотрел на неё пристально, с прищуром и недовольным выражением лица, словно она чем-то его раздражала.

Внезапно, неизвестно от чего, когда парень и Аня встретились взглядами, он бросил со звоном вилку на поднос и поспешно ушёл из помещения, не оглядываясь. Парень даже пальцем не тронул еду. Никто не обратил внимания на такое поведение — все сидели так же смирно и ели свою порцию. А поднос с нетронутой едой отнесли, предлагая кому-нибудь вторую порцию.

Впереди ждало время для отдыха. В это время кто-то рисовал, кто-то играл на музыкальных инструментах, кто-то читал, а кто-то просто наслаждался природой на улице. Под тихие мелодии гитары и пианино Аня пошла в комнату, где в ряд стояли мольберты с красками. Сама комната выглядела староватой по сравнению с остальными: на стенах старая краска уже полопалась, обнажая слои предыдущих покрытий, а покрашенные подоконники были уже не белые, а грязно-серые, с пятнами от времени.

Девушка села у одного из мольбертов и стала набирать краску, сама ещё не зная, что нарисовать. Кисть дрожала в руке, но она заставила себя сделать первый мазок — чёрной краской. Ещё пару мазков, ещё — и постепенно на холсте начал вырисовываться силуэт. Тяжело объяснить, что эти кляксы могут обозначать, но выходило что-то вроде человека. В картине преобладали холодные тона — синий, серый,

чёрный — и лишь капля яркого красного, будто капля крови на снегу.

Черты лица на холсте получились чёткими и грациозными: чёткая челюсть, небольшие губы, небольшая щетина, выступающий острый кадык и не сильно широкие плечи, немного сгорбленные. Думая, что у неё ничего не получается, она решила пойти на улицу и осмотреть весь двор и сад.

Двор был таким же, как вчера, но теперь, при дневном свете, он выглядел иначе. Пройдя по дорожке в сад, Аня увидела аллею: по бокам росли густые кусты белых астр, их лепестки ещё хранили капли утренней росы. На арках по аллее вилась длинная и густая лоза, создавая естественный навес. Это место казалось самым красивым и органичным во всём центре — будто кусочек дикой природы, чудом уцелевший среди стерильной упорядоченности центра.

Когда Аня дошла до конца аллеи, появилось ещё несколько дорожек — влево и вправо, которые вели в абсолютно одинаковые по растениям две части сада.

Она пошла по правой дорожке, любуясь красотой, свежестью и пением птиц. В конце сада открылась огромная лужайка с влажной травой и некоторыми полевыми цветами: ромашками, колокольчиками, тысячелистниками. Девушка прошла к центру лужайки и легла посреди неё. Свежая трава щекотала лицо и спину, а солнце ярко светило в глаза.

Некоторое время она лежала на беззаботной траве и размышляла о последних событиях своей жизни. Решение ма-

тери отправить Аню в лечебницу не вызвало радости ни у одной из сторон. Возможно, отправлять её туда было крайним, не особо важным решением, но выхода уже нет. Сбежать не сбежишь — вокруг высокий забор с колючей проволокой наверху, которая в некоторых местах была прорвана, будто кто-то уже пытался. А может, это место поможет найти себя? Или даст стимул сойти с ума в четырёх стенах? Кто знает…

Немного поразмыслив над этой мыслью, Аня встала и пошла в корпус. По пути на площади было много людей — вероятно, им раздали дела на сегодня. Она подошла ко всем. Кому дали веник, кому — тяпку. Все стали работать: кто-то подметал, кто-то тяпал, кто-то рвал траву, кто-то подрезал кусты, а кто-то красил лавки. Пыль от подметания летела в глаза, а краска — в лицо мелкими каплями. К концу рабочего дня двор преобразился: стало чище, красивее и уютнее, но медикаментозный запах и ощущение замкнутости так и не пропали.

На очереди ждал обед. Толпа строем пошла в столовую, где уже накрыли столы. На обед всем подали тарелку супа с вермишелью и кусочком мяса, пару кусочков хлеба, немного сливочного масла и чай. Суп оказался не очень вкусным: вермишель была переваренной, мясо — безвкусным, а чай, конечно же, был самым адекватным из всей еды. Особенно вкусно пить чай с кусочком хлеба и маслом. Все больные с каменным лицом ели свою еду, без тени энтузиазма.

Аня осмотрела всех и не заметила того, кто без причины злится на неё и не переваривает. Её догадки о том, что он просто самовлюблённый наркоман, стали подтверждаться благодаря его поведению. С этой мыслью она ушла на отдых: просто бродила по помещениям, осматривая и пытаясь запомнить каждый поворот, не зная зачем.

На втором этаже было большое окно с видом на длинную и широкую реку. Вдоль неё простирались высокие зелёные деревья и изредка кустарники. Это был потрясающий пейзаж — спокойный, умиротворяющий, контрастирующий с атмосферой центра. Удивительно, но на стене около пустого окна висела картина маслом, на которой было изображено то, что сейчас перед глазами Ани. Надпись на ней гласила: «Река жизни. Александр Сапрыкин». Почему это река жизни, Ане было неизвестно, но это определённо была картина с глубоким смыслом.

Аня стояла перед картиной, погрузившись в её созерцание. Полотно притягивало взгляд: приглушённые тона синего и серого переплетались с редкими вспышками золотого, создавая ощущение тоски и одновременно какой-то неуловимой надежды. Мазки были неровными, будто художник писал в порыве эмоций, не заботясь о совершенстве формы.

Внезапно рядом послышались тихие шаги. Аня обернулась и увидела девушку лет двадцати пяти. Та остановилась в паре шагов, не нарушая личного пространства, и тоже устремила взгляд на картину.

— Нравится картина? — спросила незнакомка. Голос её звучал ровно, почти бесстрастно, но в нём угадывалась затаённая грусть, словно эхо давно пережитой боли.

— Да, — коротко ответила Аня, снова переводя взгляд на холст. — В ней есть что-то… настоящее.

— Это нарисовал мой парень, — продолжила девушка, по-прежнему не глядя на Аню. — Он лечился здесь.

В воздухе повисла пауза, наполненная невысказанными вопросами. Аня почувствовала, как внутри что-то сжалось.

— А где он теперь? — спросила она осторожно, всё так же не двигаясь с места.

— Умер, — просто ответила девушка. Её голос не дрогнул, но в глазах мелькнуло что-то, что нельзя было назвать просто печалью — это была тихая, глубокая тоска, будто боль, ставшая частью её самой.

На несколько мгновений воцарилась тишина, нарушаемая лишь отдалёнными голосами врачей и шагами по коридору. Эти звуки казались чужими, неуместными в момент такого откровения.

— А… Ты как попала сюда? — осторожно спросила Аня.

Девушка молча подняла рукав и показала глубокий шрам на левой руке. Он был бледным, уже зажившим, но отчётливо видным.

— Узнала о его смерти и… — она запнулась, но тут же взяла себя в руки. — Но я не жалею. Всё это осталось в прошлом. Я по-прежнему люблю его, а он любит меня там, —

она подняла глаза к потолку и указала пальцем вверх. — Где бы он ни был.

— Царство Небесное ему, — перекрестилась Аня, искренне ощущая, какую потерю понесла эта девушка. В этот момент она почувствовала странное единение с незнакомкой — будто их души на мгновение соприкоснулись в общей боли.

— Я Вероника, — девушка протянула руку, и в её улыбке промелькнуло что-то светлое, почти детское.

— Аня, — ответила та, пожимая руку. Прикосновение было тёплым и неожиданно надёжным.

— Людей с таким именем сюда редко заводят. Ты тут особенная, — улыбнулась Вероника. Было понятно, что это не более чем дружеский комплимент, но её искреннее дружелюбие приятно удивило Аню.

— Не набивай мне самооценку, — усмехнулась Аня, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает.

Вероника тихо рассмеялась, и этот смех прозвучал так естественно, что Аня невольно улыбнулась в ответ.

— Пойдём вниз, к музыкальной комнате? — предложила собеседница. — Послушаем песни остальных, а сами поговорим о своей судьбе и прошлом, если ты, конечно, не против.

Аня без раздумий взяла её за руку, будто Вероника уже была старой подругой, и они вместе направились вниз по лестнице. Коридоры больницы казались бесконечными: се-

рые стены, выкрашенные когда-то давно, тусклые лампы, отбрасывающие длинные тени. Они свернули пару раз и оказались в творческой музыкальной комнате.

Помещение выглядело так, будто его только что отремонтировали: стены выкрашены в спокойный серый цвет, потолок — белоснежный, без единого пятнышка. На одной из стен в ряд висели гитары — от потрёпанной акустической до блестящей электрической. Рядом на полках аккуратно расположились флейты, трубы и другие мелкие инструменты. В центре комнаты стояли рояль, пианино и арфа, а у окна — несколько скрипок в футлярах. Почти все инструменты были заняты: кто-то наигрывал мелодию на гитаре, кто-то пробовал клавиши пианино, а в углу парень с длинными волосами перебирал струны арфы.

Аня с Вероникой нашли укромное место в углу: два мягких кресла и маленький столик. Здесь было тише, и можно было поговорить без помех.

— Как ты попала сюда? — с искренним любопытством спросила Вероника, устраиваясь в кресле.

— Попытка самоубийства, алкоголизм и наркозависимость, — ответила Аня буднично, будто перечисляла список покупок.

— Ну… — она сделала небольшую паузу, — впрочем, ничего особенного.— А историю не расскажешь? — осторожно уточнила соседка.

Аня замолчала, глядя в сторону. В комнате стало как буд-

то тише, будто все звуки приглушились, оставив их наедине с этим вопросом.

— Ладно, не буду давить на тебя, — быстро добавила Вероника. — Всё равно всё уже позади, и нет причин вспоминать былые времена. Так ведь?

— Да, — задумчиво ответила Аня, осматриваясь по сторонам. Её взгляд остановился на тёмном углу комнаты, где сидел парень с гитарой. У него были кудрявые волосы, всё ещё пружинистые и непослушные, несмотря на общую усталость облика. Он смотрел на Аню с таким же презрением, как и она на него. Их взгляды встретились, и на мгновение между ними возникло что-то вроде немого поединка. Парень не отрывал глаз, продолжая перебирать струны и что-то напевать себе под нос.

— На кого ты там смотришь? — Вероника наклонилась к Ане, пытаясь проследить за её взглядом. — Я не знаю этого парня, но знаю, что он ни с кем не разговаривает и вечно злой. Он тут уже не первый раз, по слухам.

— В каком смысле? — Аня всё ещё не могла отвести взгляд от парня.

— Ну, по-моему, он сюда попал уже точно не первый раз, — наклонилась ближе и понизила голос. — Не знаю, почему он на тебя так косится, но это точно что-то значит.

— Если это что-то и значит, то только то, что он хочет меня убить или просто сильно меня не переваривает, — наконец оторвалась от взгляда парня и повернулась к собесед-

нице, но всё ещё чувствовала, как его глаза сверлят её спину.

— Кто знает, — тихо рассмеялась Вероника.

Вскоре отдых подошёл к концу, и настала пора процедур. Аня с тяжёлым вздохом поднялась и направилась в кабинет психолога. По пути она заметила, как другие пациенты переглядываются, обмениваются короткими фразами — все выглядели уставшими, будто каждый день здесь отнимал частичку их сил.

Кабинет номер семь встретил её запахом медикаментов и стерильности. Яркий свет пробивался через белоснежные шторы, которые, казалось, никогда не знали пыли. Мебель была такой же безупречно белой — стол, кресла, шкаф для документов. Всё выглядело слишком чистым, слишком правильным, будто пыталось создать иллюзию порядка в мире, где его давно нет.

— Привет, Аня. Я Софья Андреевна. Буду вести индивидуальные и групповые встречи. Тебе комфортно будет, если мы будем разговаривать на «ты»? — спросила женщина-психолог. Ей было лет сорок, может, чуть больше. Лицо её, испещрённое тонкими морщинами, всё ещё хранило следы былой красоты.

— Всё хорошо, — коротко ответила Аня, усаживаясь в кресло напротив.

— Отличненько. Как у тебя дела? Чем любишь заниматься? — с неподдельным энтузиазмом начала Софья Андреевна, пытаясь вытянуть Аню на диалог.

Первый сеанс терапии длился около часа. Психолог не давила, не пыталась копать слишком глубоко — она просто интересовалась мелочами, пыталась найти что-то светлое в жизни своей пациентки. Постепенно Аня узнала, что Софья Андреевна работает здесь уже много лет — ещё со времён своей молодости, когда сама впервые попала в это место. После выздоровления она получила образование и вернулась, чтобы помогать другим. В её манере общения было что-то материнское, тёплое — будто она действительно хотела помочь, а не просто выполнить свою работу.

С лёгкой улыбкой на лице от приятного двухчасового разговора с психологом Аня поплелась в столовую на ужин. Ноги всё ещё слегка дрожали после насыщенного дня, а в голове крутились мысли о словах Софьи Андреевны — о том, что даже в самых тёмных моментах можно найти проблеск света.

Столовая встретила её привычным гулом голосов, но сегодня атмосфера казалась какой-то напряжённой, будто в воздухе витало предчувствие чего-то недоброго. Народу было по-прежнему много — пациенты в одинаковых халатах сидели за длинными столами, переговаривались вполголоса, кто-то уткнулся в тарелку, избегая чужих взглядов. Но при этом царила подозрительная тишина: не было слышно смеха, громких разговоров — только стук приборов о тарелки, шёпот и редкие вздохи.

Аня взяла поднос со своей едой и, стараясь не расплес-

кать, медленно и аккуратно пошла к свободному столу у окна. Она шла осторожно, чуть наклонив поднос вперёд, чтобы удержать равновесие. Взгляд скользил по лицам окружающих: кто-то смотрел равнодушно, кто-то — с любопытством, а кто-то и вовсе отводил глаза, будто боялся встретиться с ней взглядом.

На проходе неожиданно появился парень. Он шёл быстрыми, размашистыми шагами к стойке с едой, не глядя по сторонам. Его движения были резкими, нервными, будто он куда-то опаздывал. В последний момент он зацепил плечом Аню — несильно, но достаточно, чтобы поднос дрогнул в её руках.

— Ой, осторожнее! — невольно вырвалось у Ани.

Но было уже поздно. Поднос выпал из её рук со звонким стуком, тарелки разбились, каша рассыпалась по полу, чай растёкся тёмной лужицей. Звук получился таким громким, что все в столовой обернулись. На мгновение воцарилась мёртвая тишина, а затем по залу прокатился шёпот.

— Ты вообще нормальный?! — с наездом и злостью цедила Аня сквозь зубы, чувствуя, как внутри закипает раздражение.

— Ты сама чокнутая, — с мерзким выражением лица кинул в сторону Ани этот неизвестный парень. Его глаза сверкали злобой, губы искривились в презрительной усмешке. Он был выше Ани, широкоплечий, с тёмными растрёпанными волосами и воспалёнными глазами, в которых читалась

какая-то внутренняя боль, замаскированная агрессией.

— Да пошёл ты! — Аня толкнула его в плечо, не в силах сдержать эмоции.

Парень мгновенно оказался вплотную к ней. Его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от её лица — она почувствовала запах сигарет и чего-то кислого, алкогольного что ли.

— Ты так со своими друзьями будешь разговаривать, — чётко и шипя, но тихо со злостью говорил он ей на ухо. В его голосе звучала угроза, а в глазах — какая-то отчаянная ярость, будто он искал повод выплеснуть накопившуюся злость. И скорее всего, это была единственная угроза на его уме, да бы не нарушать "этикет".

С сильной яростью он схватил её запястье и сжал так, что Аня невольно поморщилась от боли. Его пальцы впились в кожу, оставляя красные следы.В этот момент рядом появился дежурный — крепкий мужчина лет сорока с короткими седыми волосами и спокойным, но твёрдым взглядом. Его появление словно разрядило обстановку.

— Угомоните эту, — бросил парень, пытаясь вырваться.

— Я тебе не эта! — крикнула Аня ему вслед, пока он, сопровождаемый дежурным, удалялся в сторону холла.

— Во-первых, попрошу не раскидываться такими словами, Глеб, — строго сказал охранник, удерживая парня за локоть. — А во-вторых, сейчас же извинитесь перед Аней.

— Делать мне нечего, — буркнул Глеб, вырвался и быст-

рым шагом направился в холл, даже не поев. Его спина была напряжена, кулаки сжаты, а шаги — резкими, будто он пытался убежать не только от этой ситуации, но и от самого себя. Дежурный лишь пожал плечами и повернулся к Ане.

— Он всегда такой, но сегодня он какой-то особенно злой, — тихо сказал он, помогая ей убрать осколки тарелок и вытереть разлитый чай. — Не бойтесь. Просто не обращайте на него внимания. У него свои демоны, с которыми он не может справиться.

— Спасибо вам большое, — улыбнулась Аня, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает. В голосе мужчины было столько искренней заботы, что на мгновение она почувствовала себя защищённой.

Она взяла новый поднос и снова направилась к тому же столу у окна. На этот раз шла осторожнее, стараясь не привлекать лишнего внимания. Позади всё ещё перешёптывались, но Аня старалась не обращать на это внимания. Сев за стол, она расправила салфетку на коленях и глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться.

Сегодня на ужин подали то же, что и вчера: пшеничную кашу, мясо и чай. Но на удивление, сегодня это блюдо выглядело более презентабельно, чем вчера. Каша была аккуратно выложена горкой, мясо украшено веточкой петрушки, а чай дымился в красивой фарфоровой чашке. Аня начала есть, машинально поднося ложку ко рту, но вкус почти не ощущала. Она пыталась закрыться волосами от чужих взглядов

— длинные пряди падали на лицо, создавая своеобразную завесу. Краем глаза она замечала, как некоторые пациенты переглядываются, кивают в её сторону, шепчутся.

Поспешно доев, Аня встала из-за стола и направилась к выходу из столовой. Её шаги эхом отдавались в коридоре, а за спиной всё ещё слышался приглушённый гул голосов.

Она поднялась на свой этаж и остановилась у окна в коридоре. Яркий малиновый закат расстилался по всему двору, освещая каждый лист деревьев тёплым, почти сказочным светом. Ветви слегка покачивались на ветру, отбрасывая причудливые тени на асфальт. Вдалеке слышался гул изредка проезжающих машин, а где-то рядом — щебет последних осенних птиц. Аня стояла и смотрела вдаль, позволяя себе на мгновение отключиться от всего.

«Почему Глеб так себя ведёт?» — размышляла она. Он её злит, но и одновременно вызывает… сочувствие? В его глазах она заметила не просто злость, а какую-то глубокую, затаённую боль. Всё же Глеб оказался действительно сложным человеком: с одной стороны, самовлюблённым и агрессивным, с другой — будто сломленным чем-то, что он не мог или не хотел показать. Предчувствие не подвело: за его поведением скрывалось что-то большее.

Время подошло к отходу ко сну. Аня вошла в свою комнату. Постель оказалась неожиданно прохладной и мягкой — простыни приятно холодили кожу, а подушка была такой удобной, что хотелось немедленно в неё уткнуться.

Устроившись на подушке, она почувствовала, как сильно устали ноги после первого дня в больнице, а голова кажется тяжёлой, будто на неё скинули камень. Но вместе с усталостью пришло и странное ощущение покоя.

Да, это место пока казалось ей чужим, но уже не враждебным. Просто обычное место с обычными людьми, с обычными врачами и психологами, с обычной местностью. Ничего не раздражало — кроме Глеба. Он действовал на нервы из-за своей необоснованной вспыльчивости. И снова: почему он так относится? Чем он так необычен, что его знают все врачи и пациенты? Это по-прежнему оставалось загадкой.

За окном усиливался ветер. Листья шумели всё громче, а затем начался дождь — сначала редкие капли стучали по подоконнику, потом всё чаще, пока не превратился в настоящий ливень. Он громко стучал по крыше, а ветер поднялся на всю мощь, срывая листья с деревьев, чуть ли не ломая ветки.

Аня закрыла глаза, слушая этот успокаивающий ритм. Мысли постепенно рассеивались, уступая место тишине. Сон пришёл незаметно — крепкий, глубокий, словно щит от всех тревог. Он окутал её, как тёплое одеяло, унося прочь от дневных волнений и оставляя только покой и надежду на завтрашний день. Где-то в глубине души она понимала: возможно, именно здесь, среди этих людей, она найдёт то, что поможет ей начать всё сначала.

Завтра предстоит снова работа на улице с веником —

уборка опавших листьев после ночного шторма. Для этого необходимо восстановить силы. И сейчас, под шум дождя и вой ветра, Аня наконец позволила себе полностью расслабиться и погрузиться в глубокий, целительный сон.

* * *

Затвор камеры шумно щёлкает, а новые фотографии на плёнке вылезают без конца — одна за другой, запечатлевая яркие моменты праздника. Вокруг летают конфетти всех цветов радуги и голубые воздушные шары, которые, подхваченные сквозняком, бесконечно бьют в лицо от своего неисчислимого количества. Они то взмывают к потолку, то опускаются почти до пола, создавая причудливый вихрь веселья.

— С днём рождения, родной! — громко кричит Аня на весь огромный зал, с силой обнимая своего старшего брата Дениса. Её голос перекрывает гул музыки и смех гостей. Сегодня ему исполняется 28 лет, но на свой возраст он выглядит поразительно молодо.

Денис стоит рядом у фотозоны — высокий, статный, с широкими плечами и крепкой шеей. Его острые черты лица подчёркивает лёгкая щетина, добавляющая мужественности, а аккуратно подстриженные волосы аккуратно лежат, не выбиваясь ни одной прядью. Он крупный по телосложению — мускулистый, высокий, с таким ростом, с которым мало кто может сравниться. Настоящий парень мечты каждой девушки — сильный, уверенный, с открытой улыбкой и добрым взглядом. Но, на удивление, он был холост.

Последние несколько лет брат живёт вместе с Аней, и за это время приводил домой лишь пару девушек, которые оставались на одну ночь. Аня знает брата как никто другой: он хороший парень и как брат, и как партнёр. В этом она абсолютно уверена. Но почему ему так не везёт с отношениями, она не понимает. Аня знает только то, что инициатива расстаться всегда исходила от Дениса, а не от его партнёрш. В нём есть какая-то внутренняя требовательность к себе и другим, которую он не может или не хочет объяснить.

Денис стоит рядом с Аней у фотозоны и мягко обнимает её за спину, слегка прижимая к себе. Его глаза светятся теплом и благодарностью. Затем он нежно целует сестру в щёку:

— Спасибо, любимая! — кричит он, чувствуя, как пробка от шампанского в его руке вот-вот вылетит из бутылки с громким хлопком.

Аня целует его в щёку в ответ и так же крепко обнимает, смеясь от радости. Затвор камеры снова зашумел, и под брызги шампанского, сверкающие в свете вспышек, их сфотографировали — момент, который останется в памяти навсегда.

Торжество не заканчивалось до глубокой ночи. Гости постепенно расходились, обмениваясь благодарностями и пожеланиями, но Аня и Денис ещё не были готовы прощаться с этим волшебным днём. После весёлых танцев под зажигательные ритмы и вкусной еды, от которой столы ломились, они решили передислоцироваться домой и продолжить

веселиться там. Они позвали друзей, которые уже собирались расходиться, и те с радостью согласились — атмосфера праздника была слишком заразительной, чтобы с ней расставаться.

— Сядь за руль ты, — говорит брат, небрежно кивая рукой в сторону машины и усаживаясь на переднее пассажирское сиденье, по-прежнему с бутылкой шампанского в руках. — Я выпил больше, чем ты, и не самая хорошая идея в эйфории вести мне.

Аня послушно села за руль, хотя и сама выпила, пусть и меньше брата. Она завела двигатель, и машина плавно тронулась с места. Дорога в центре Москвы была на удивление не такой шумной, как обычно. Машин было меньше, огни магазинов постепенно тухли, уступая место мягкому свету уличных фонарей. Город будто затихал, давая возможность двум близким людям насладиться моментом.

Они выехали на главную дорогу. Денис, всё ещё находясь под впечатлением от праздника, то и дело просил Аню разгоняться и резко тормозить — для новой порции адреналина. Музыка играла на всю машину, а её звуки вырывались наружу, заполняя собой всю улицу. Басы отдавались в груди, а знакомые мелодии заставляли улыбаться.

— Это лучший день в моей жизни! — кричит парень, высовываясь в окно. Ветер обдаёт его лицо, волосы развиваются на ветру, а глаза горят счастьем. Он смеётся, раскидывает руки, будто хочет обнять весь мир.

Аня кричит ему в ответ — слова теряются в шуме ветра и музыки, но в её голосе слышится чистая, неподдельная радость. Она смеётся, смотрит на брата и чувствует, как сердце наполняется теплом. В этот момент всё кажется возможным.

Но внезапно шум утих. Музыка смолкла, крики радости исчезли, будто их никогда и не было. Вокруг появилась толпа народа — неизвестно откуда, словно материализовалась из ниоткуда. Машина лежит крышей вниз посреди дороги, вдребезги разбитая. Колёса ещё крутятся на месте от импульса, издавая жалобный скрип.

Аня с трудом выползает из машины через окно. Её бровь разбита, кровь тонкой струйкой стекает по виску, а нога неестественно болтается — очевидно, перелом. Она приходит в себя, превозмогая боль, и с тяжестью встаёт на ноги. Хромая и опираясь об капот машины, она, шатаясь, идёт к двери брата. Слёзы текут по её лицу, но она не сдаётся.

Дверь заклинило от удара, но Аня, собрав все силы, дёргает её снова и снова, пока та не поддаётся. Денис выпадает из машины уже без сознания. Аня падает на колени, кладёт его голову на свои колени и гладит по волосам, пытаясь вернуть его в чувства:

— Братик, прошу! Нет! — истерически кричит она, её голос дрожит, а пальцы трясутся. — Денис, прошу, очнись! Открой глаза!

Люди на фоне кричат от ужаса, кто-то вызывает скорую, кто-то пытается помочь. Вокруг царит хаос — голоса сме-

шиваются, шаги то приближаются, то отдаляются. Несколько парней подходят к Ане и пытаются оттащить её, чтобы она случайно не сместила кости брата при возможных переломах. В ответ она кричит и брыкается, не желая отпускать его.

— Не трогайте! Он мой брат! — сквозь слёзы кричит Аня, но её держат в крепких объятиях, не давая вырваться. Она смотрит на белое лицо брата, которое так же неподвижно лежит на холодной асфальтовой дороге. Его глаза закрыты, дыхание едва заметно.

Вскоре подъезжает машина скорой помощи. Медики быстро оценивают ситуацию, аккуратно переносят Дениса на носилки. Ане вкололи сильное успокоительное — её тело расслабляется, лицо онемело, а мысли путаются. Она чувствует, как силы покидают её, но всё ещё пытается сосредоточиться.

Последнее, что она видит перед тем, как её увозят в больницу, — лицо брата. Врачи закрывают ему глаза, и этот жест кажется ей невыносимо окончательным. В груди что-то обрывается, мир меркнет, и она проваливается в тяжёлую, беспросветную тьму.

* * *

Аня проснулась в холодном поту в той же комнате реабилитационного центра. Воздух был тяжёлым, пропитанным запахом дезинфекции и чего-то неуловимо тоскливого — будто сама атмосфера здесь хранила следы чужих страданий.

Она резко села на кровати, чувствуя, как липкая влага покрывает спину, а сердце бешено колотится в груди. Слёзы мигом стали сочиться из глаз — тихие, горькие, беззвучные. Этот тихий плач многого стоит: он не от слабости, а от той невыносимой тяжести, что давила на грудь каждый раз, когда воспоминания накрывали её с головой.

Тот день не забудется никогда. Тот самый счастливый и самый горький день в её жизни — день рождения лучшего брата. Она видела его улыбку, слышала его смех, чувствовала тепло его объятий… А потом — грохот, скрежет металла, крики, кровь. Образ брата, лежащего на асфальте с закрытыми глазами, снова всплыл перед внутренним взором, и Аня сжала кулаки, пытаясь отогнать видение.

Она сидела на кровати, смотрела в ещё тёмное окно, за которым едва угадывались очертания деревьев, и плакала. Тихо и незаметно, без всхлипов — просто слёзы катились по щекам, оставляя холодные дорожки. В комнате было прохладно, но она этого не чувствовала: внутри всё горело от боли и бессилия.

— Анна Сергеевна, вставайте, — в комнату приоткрыла дверь работница, которая ходила и будила всех пациентов. Она сказала мягким, тёплым и бархатистым голосом, от которого на душе вдруг стало чуть легче, будто кто-то накинул невидимое одеяло утешения. Женщина на мгновение замерла, посмотрев на девушку в кровати, и, мгновенно распознав её настроение, медленно удалилась, тихо прикрыв дверь за

собой. В этом жесте было столько понимания и такта, что Аня на секунду почувствовала благодарность.

Нехотя поднявшись, Аня прошла в ванную. Зеркало отразило её измученное лицо: красные от слёз глаза, тёмные круги под ними, растрёпанные волосы.

Она тщательно умылась холодной водой, стараясь смыть не только следы слёз, но и тяжесть воспоминаний. Вода стекала по лицу, капала с подбородка, а Аня всё тёрла и тёрла кожу, будто пытаясь стереть саму себя. Потом почистила зубы, медленно, методично, сосредотачиваясь на каждом движении щётки, чтобы хоть как-то прийти в себя.

Выйдя в общую комнату, она увидела, что людей уже выводили на утреннюю зарядку. Всех, как и в прошлый день, выстроили в ровные ряды вдоль дорожки, ведущей к спортивной площадке. Утренний воздух был свежим и влажным, пахло травой и росой. Птицы начинали свой дневной концерт, перекликаясь между собой, и этот обычный, мирный звук казался каким-то издевательски неуместным на фоне её внутреннего хаоса.

— Медленно и плавно наклоняем шею так, чтобы чувствовалось только наслаждение, — произнёс тот же физрук, что и вчера. Его голос звучал бодро и уверенно, но в нём не было ни капли искренности — просто отработанная фраза из заученного сценария.

Солнце уже поднялось над деревьями и ослепительно било в глаза, заставляя щуриться и морщиться. Его лучи были

тёплыми, почти горячими, но не такие как в июне — первые признаки августа. Ветер гулял в волосах, забирался под тонкую ткань спортивной формы, вызывая дрожь, которая пробегала по всему телу, содрогая каждый сантиметр кожи. Аня стояла в ряду, механически повторяя движения, но мыслями была далеко отсюда.

— Проведите зарядку дальше сами. Думаю, вы справитесь, — неожиданно объявил физрук. — Глеб, давай ты проведёшь? Давно ты не проводил. Давай как раньше. Думаю, все будут рады, — он кивнул в сторону беседки, где на скамейке лежал его телефон, и неторопливо направился туда.

— Уже бегу, — саркастично бросил Глеб, скривив губы в усмешке. Он окинул взглядом строй и ткнул подбородком в сторону Ани: — Возьмите лучше эту, белую и пушистую.

— Глеб! — оглушительный яростный крик Ани разнёсся по площади, напугав всех присутствующих. Её голос прозвучал так резко и громко, что даже птицы на мгновение замолчали. — Не зли меня! — рыча, оскалилась девушка, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони.

— А то что? — хитро улыбаясь во все зубы от злости, он подошёл к ней вплотную. Его глаза сверкали каким-то нездоровым азартом, будто он наслаждался этой игрой. — Ударишь меня? Или убьёшь?

На его слова стал сбегаться персонал — медсестры, охранники, другие работники центра. Но в тот момент Аня, не выдержав, влепила Глебу сильную пощёчину по лицу. Звук по-

лучился звонким, резким, и на щеке парня мгновенно проступил красный след.

Глеб мгновенно схватил её запястье и сжал до белых отметин, от которых потом останутся синяки. Хватка была железной, почти болезненной.

— Ну ты и овца! — яростно и страшно крикнул он и дёрнул её руку в сторону так, что она чуть ли не упала.

Глеба тут же схватили за руки и повели в неизвестном Ане направлении, а её саму две медсестры взяли под локти и повели внутрь здания.

— Так, на сегодня зарядка окончена. Все расходимся, — поспешно кинул физрук и ушёл вслед за Глебом и рабочими. Его голос звучал растерянно, будто он сам не ожидал такого развития событий.

Аня прошла с двумя девушками из персонала в комнату. Они пытались её успокоить:

— Вы не бойтесь его. Просто сообщайте нам. Мы со всем разберёмся…

— Да-да-да, — резко перебила их Аня, всё ещё в злости. Её голос дрожал от напряжения. — Я не боюсь его. И я уже не маленькая. Перестаньте меня опекать со всех сторон.

Работницы переглянулись, но ничего не сказали. Молча вышли, аккуратно прикрыв за собой дверь. Аня осталась одна, погружённая в тишину комнаты и свои мысли.

С самого утра день не задался абсолютно. Тот же вопрос снова и снова всплывал в голове: почему он так относится к

ней? Личная неприязнь, но из-за чего? Она только въехала сюда, а ей уже кто-то не рад — беспричинно, казалось бы. Но Аня знала: у людей всегда есть мотив так себя вести. Может, Глеб видит в ней что-то, что напоминает ему о его собственных демонах? Или он просто пытается выплеснуть свою боль на первого встречного? Всю жизнь каждый встречает на пути препятствия и плохих людей. Но у людей есть мотив так себя вести… Вопрос в том, какой мотив у Глеба? И сможет ли она когда-нибудь это понять?

Она подошла к окну и уставилась на двор. Птицы продолжали петь, солнце поднималось выше, а жизнь шла своим чередом — будто ничего и не произошло. Но Аня знала: этот день только начался, и впереди её ждёт ещё много испытаний.

Страницы из дневника Ани.

Сегодня - второй день. Второй день здесь. Даже писать об этом тяжело, будто каждое слово царапает изнутри.

Меня привезли пару дней назад вечером. Мама почти не говорила со мной - только сухо кивала врачам, подписывая бумаги. Когда она выходила из кабинета, я успела поймать её взгляд: в нём было не столько беспокойство, сколько... облегчение? Как будто она наконец-то избавилась от проблемы, от меня. Сглотнула комок в горле и отвернулась. В тот момент я вдруг вспомнила, как в детстве она обнимала меня, когда я падала и разбивала коленки. Теперь все иначе.

Комната маленькая, но чистая. Кровать с жестким

матрасом, шкаф, стол, стул. Окно выходит во внутренний двор - там кусты и пара скамеек. Никаких решёток, но ощущение, что я в клетке, не проходит. На стене календарь и плакат про "новый старт" с дурацкой улыбающейся рожей. Хочется сорвать его. Вместо этого я просто отворачиваюсь к окну и смотрю, как ветер шевелит листья на кустах.

Завтрак был не вкусный - каша, чай без сахара, хлеб с маслом. Сидела в столовой, смотрела на других. Кто-то переглядывался, кто-то уткнулся в тарелку. Я просто ждала. Ждала, когда это закончится. За соседним столом парень лет двадцати нервно теребил салфетку, комкал её, потом разглаживал. Он поймал мой взгляд и тут же опустил глаза. Наверное, мы все здесь чувствуем себя не в своей тарелке.

После обеда решила немного осмотреться. Вместо прогулки во дворе отправилась бродить по корпусу вверх-вниз по лестницам, из крыла в крыло.

На первом этаже - столовая, просторный холл с парой диванов и телевизором, который никто не включал, и кабинет медсестры. В холле пахло чем-то лекарственным, вроде лаванды или мелиссы. Я постояла у окна, разглядывая двор: несколько человек сидели на скамейках, кто-то ходил кругами. Одна девушка замерла у куста сирени, будто пыталась запомнить его запах. Мне вдруг захотелось подойти к ней, спросить, что она чувствует, но я не решилась.

Поднялась на второй этаж. Здесь были комнаты для

групповых занятий с круглыми столами и множеством стульев. На стене - большая доска с расписанием на неделю: "Арт-терапия", "Работа с эмоциями", "Дыхательные практики". Всё это звучало так... искусственно. Как будто набор красивых слов, за которыми ничего нет. Но потом я заметила на подоконнике маленький горшочек с фиалками. Кто-то за ними ухаживал - листья были чистыми, цветок ухоженным. Может, и в этих занятиях есть что-то настоящие?

Третий этаж оказался жилым. Коридор с дверями по обеим сторонам, тихие голоса за стенами, чьи-то шаги вдалеке. На подоконнике стояла ваза с искусственными *цветами - кто-то заботливо стёр с них пыль. Я остановилась, потрогала лепестки: такие гладкие, неживые. Рядом на стене висела доска объявлений с фотографиями прошлых мероприятий: люди улыбались, рисовали, играли в настольные игры. На одной фото девушка смеялась, прикрыв рот рукой. Я поймала себя на мысли: а смогу ли я когда-нибудь так же?*

Четвертый этаж - последний. Тут было тише всего. Несколько кабинетов, вероятно, для индивидуальных встреч, и небольшая библиотека с полками до потолка.Взяла наугад книгу - тонкий сборник стихов какого-то современного автора. Пролистала стихотворение и наткнулась на стихотворение, которое будто было написано про меня:

В замкнутом мире, где стены всё ближе,

Где тени растут с каждым новым рассветом,

Я ищу тот проход, что ведёт наружу,
Сквозь туман, через боль, вопреки всем запретам.
Не зовут меня звёзды, не манит дорога,
Но внутри, под коркой льда, теплится что-то,
То ли искра, то ли слабая надежда,
Что однажды смогу - вздохнуть без заботы.
Пока же шаги звучат эхом в пустоте,
И молчание громче любой болтовни.
Я не сдалась. Просто жду своего часа,
Когда солнце пробьётся сквозь эти стены.

Поставила книгу обратно, чувствуя, как к горлу подступает ком. Слишком точно. Слишком близко к тому, что творится внутри. На соседней полке заметила потрёпанный томик Пушкина. Открыла наугад - попалось "Я вас любил...". Странное чувство: будто кто-то специально оставил эти книги здесь для меня.

Спускаясь вниз, поймала себя на мысли: это место пытается казаться уютным, заботливым. Но пока оно для меня - просто набор комнат и правил, куда меня заперли. И всё же... где-то в глубине что-то шевельнулось. Может, не надежда, а просто любопытство: что будет дальше?

Ближе к вечеру меня позвали на первую встречу с психологом. Кабинет светлый, с большими окнами. Психолог - женщина лет сорока с очень спокойным голосом и тёплыми глазами - предложила сесть на диван, спросила, удобно ли мне. Я пожала плечами.

Она не стала сразу допытываться, почему я здесь. Вместо этого спросила, как я себя чувствую сейчас, в эту самую минуту. Я растерялась - никто раньше не задавал мне такого вопроса всерьёз... кроме брата. Пробормотала: "Нормально". Она улыбнулась: ""Нормально" - это когда сердце бьётся ровно, или когда хочется кричать, но ты держишься?"

От этих слов что-то внутри дрогнуло. я вдруг поняла, что не хочу притворяться сильной. Сказала тихо: "Иногда хочется кричать. А иногда - просто исчезнуть". Психолог кивнула не перебивая. "Это важно - называть свои чувства, - сказала она. - И здесь ты можешь говорить всё, что думаешь. Никто не будет осуждать".

Я не рассказывала ей всего. Не сказала про ту ночь, про таблетки, про то, как мама нашла меня. Но впервые за долгое время кто-то посмотрел на меня так, будто я - не проблема, а человек. Мы поговорили ещё о мелочах: о погоде, о том, что я люблю читать, о музыке. Она рассказала, что в юности тоже проходила через сложный период. Это не звучало как жалость - скорее, как понимание.

После встречи я вернулась в комнату. Сумерки уже окутали двор, и свет фонарей отражался в окне. Села на кровать, обхватила колени руками. В голове всё ещё звучали слова стихотворения и фраза психолога: "Называть чувства-это первый шаг".

Сейчас лежу на кровати и смотрю в потолок. В голове

мысли крутятся, как карусель: злость на маму, страх перед будущим, недоверие ко всем вокруг, и где-то глубоко - крошечная искорка любопытства. А что, если... Нет, пока не хочу об этом думать.

Просто день. Тот первый день.

На очереди, как вчера и как позавчера, был завтрак. Та же овсяная каша с едва заметной плёнкой на поверхности, ломтик хлеба с тонким слоем масла и уже не чай, а какой-то ягодный компот — красноватый, с лёгкой кислинкой и мелкими вкраплениями ягод на дне стакана. Аня машинально взяла ложку, зачерпнула кашу и поднесла ко рту. Ощущение, будто уже привык есть эту еду буквально за пару дней — и с каждым днём она становится будто вкуснее, словно организм смирился с новым распорядком и теперь пытается найти радость даже в этой монотонности.

Столовая была наполнена тихим стуком приборов, редким шёпотом и тяжёлым, почти осязаемым чувством общей усталости. Все больные послушно ели, иногда перешёптываясь, и по-прежнему бросая мелкие взгляды на Аню. Эти взгляды она чувствовала кожей — короткие, изучающие, будто она была чем-то необычным, экспонатом в музее, который все хотят рассмотреть, но боятся подойти ближе.

К Ане подсела Вероника, не спрашивая разрешения, и сразу же завела диалог — так, будто они обсуждали что-то уже давно, а не начинали разговор с нуля:

— Что-то здесь не так, — задумчиво произнесла она, буд-

то пробуя слова на вкус, медленно и осторожно.

— Что именно? — спросила Аня без эмоций, продолжая механически жевать, взгляд её был устремлён куда-то в сторону, мимо собеседницы.

— Вы ругаетесь с ним на пустом месте. Может, есть какая-то причина? Почему он к тебе так неравнодушен? — наклонилась чуть ближе, голос её стал тише, почти заговорщицким.

Аня вздохнула, опустила ложку и на мгновение задумалась. Внутри всё сжалось — не от злости, а от какой-то странной, тянущей пустоты. Она не знала ответа. И это незнание пугало её больше, чем сама ситуация.

— Я… не знаю... Просто не представляю, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но в нём всё равно проскользнула нотка растерянности.

— Чтобы ты понимала, Глеб никогда не относится так ни к кому. Для этого нужен повод. Обычное его поведение — это стандартная пассивная злоба ко всему живому и равнодушие, — Катя говорила уверенно, будто разбиралась в Глебе лучше, чем кто-либо.

В этот момент дверь столовой скрипнула, и в помещение вошёл Глеб. Он двигался быстрыми шагами, почти не глядя по сторонам, взял поднос и направился за дальний стол, где было пусто. В его походке читалась необычная для него расслабленность: плечи опущены вниз, руки не сжаты в кулаки, как обычно, а болтаются вдоль тела, подчиняясь инерции

движения. Но Аня всё равно заметила в нём что-то напряжённое — будто под этой внешней расслабленностью скрывалась пружина, готовая в любой момент распрямиться.

— А вот и он, — тихо добавила Вероника, проследив за направлением взгляда Ани.

Аня опустила глаза, но через мгновение, не удержавшись, бросила короткий взгляд в сторону стола Глеба. Он ел спокойно, размеренно, будто никого вокруг не существовало. Но его спокойствие — это лишь передышка, пауза перед чем-то. И когда Глеб вдруг заметил Аню и встретился с ней взглядом, всё изменилось: он резко напрягся, сжал челюсть, но взгляда не отвёл. Они смотрели друг на друга, будто пытались прочитать что-то важное — не словами, а глазами.

Аня увидела в его глазах темноту. Не просто отсутствие света, а какую-то глубокую, почти осязаемую черноту — чернее темноты не бывает, что в его глазах. В этой черноте было что-то пугающее, но и притягательное одновременно. Что-то, что заставляло сердце биться чаще, а мысли путаться.

— Ну и по итогу он воровал мне шоколадки из столовой. Ха-ха-ха. Как романтично, — Вероника вдруг рассмеялась, пытаясь разрядить обстановку, но тут же осеклась.— Ты вообще меня слушаешь? — она провела рукой перед лицом Ани. — Ау!

— Ой, прости, — Аня зажмурила на секунду глаза, приходя в себя. — О чём ты там говорила? — спросила она, пы-

таясь вспомнить то, что и вовсе не слушала. Мысли её всё ещё были там, у дальнего стола, рядом с Глебом.

— Эх ты, — девушка положила руку на плечо Ани, слегка сжала его. — Ладно, потом расскажу. Сейчас мы идём на отдых. Можем погулять по площади и поболтать. Не против?

Аня задумалась. Внутри неё шла борьба: с одной стороны, ей хотелось отвлечься, поговорить с подругой, забыть хоть на время про всё это напряжение. С другой — она чувствовала, что ей нужно побыть одной, разложить по полочкам мысли, которые клубились в голове, как грозовые тучи.

— Эм… Ник, прости, но я хочу одна прогуляться по аллее. Надо обдумать всё, что у меня накопилось. Только не обижайся…

— Не смей говорить эту фразу, — из Вероники вырвался короткий смешок. — Хорошо. В другой раз, так в другой раз. — Она мягко прикоснулась своим плечом к плечу Ани, улыбнулась и встала из-за стола. Отнесла посуду, а затем, вероятно, отправилась блуждать по территории — лёгкая, свободная, будто вся эта атмосфера её совсем не тяготила.

Аня осталась сидеть, глядя в тарелку с недоеденной кашей. В голове крутились слова Вероники, взгляд Глеба, ощущение какой-то невидимой связи между ними — хрупкой, непонятной, но очень реальной. Она глубоко вздохнула и медленно поднялась из-за стола, решив, что прогулка в одиночестве — именно то, что ей сейчас нужно.

* * *

Прогулка по аллее после ночного дождя оказалась поистине спасительным решением — словно сама судьба подсказала Ане выбрать именно этот путь в хмурое утро. Воздух был пропитан густой, насыщенной сыростью, которая будто очистила мир от всех прежних забот и тревог. Лёгкий прохладный ветерок играл с прядями волос, нежно касался кожи, принося с собой свежесть обновлённой природы. Листья на деревьях, ещё не успевшие обсохнуть после дождя, тихо шумели, время от времени стряхивая с себя мелкие капли воды, которые падали на землю и лицо, оставляя прохладные следы.

Вдоль дорожки тянулись клумбы с теми же белыми астрами — их лепестки, покрытые прозрачными каплями влаги, казались драгоценными камнями, сверкающими в приглушённом свете пасмурного утра. Трава, усыпанная утренней росой, выглядела безупречно чистой, будто её специально вычистили и отполировали за ночь. Каждая травинка переливалась крошечными капельками, напоминающими россыпь хрусталя.

Аня медленно шла вдоль аллеи, вдыхая полной грудью этот особенный воздух — смесь запахов влажной земли, цветов и свежести. Пройдя немного вперёд и свернув направо, она оказалась на знакомой лужайке, покрытой сочной свежей травой и россыпью полевых цветов — скромных ромашек, фиолетовых колокольчиков и жёлтых лютиков. Всё вокруг дышало покоем и безмятежностью, словно природа спе-

циально создала это место для тех, кто ищет утешения.

Не раздумывая, Аня легла на мягкую траву. Мокрая одежда тут же прилипла к телу, волосы мгновенно промокли, но это не имело никакого значения. В этот момент ей хотелось лишь одного — забыться, раствориться в окружающем мире и хоть на мгновение перестать думать о том, что терзало её изнутри.

Почему её так преследует эта тьма? Что такого она сделала тому парню, что теперь её дни наполнены страхом и неопределённостью? Что ей делать дальше? Как быть со своей жизнью, которая кажется запутанным лабиринтом без выхода? Эти вопросы крутились в голове изо дня в день, не находя ответа, лишь множа боль, угнетение и душевные терзания.

Аня лежала на траве, зажмурив глаза и сжав волосы до белых костяшек на пальцах. Внутри неё бушевала настоящая буря: мысли накатывали волнами, топили в отчаянии, а потом ненадолго отступали, давая крошечную передышку. Она пыталась справиться с давлением негативных мыслей, которые, казалось, вот-вот сведут её с ума.

Мы все сошли с ума. Просто кто-то это осознаёт, а кто-то даже не догадывается. В этом мире невозможно остаться в здравом уме — слишком много боли, несправедливости, вопросов без ответов. Слишком радостный человек — безумный, убеждающий себя, что всё хорошо. Слишком печальный — раненая жертва, неспособная найти силы идти дальше. И тех, и других нужно лечить, но разве это возможно?

Разве можно исцелить душу, израненную жизнью?

Размышляя об этом, Аня невольно задумалась о самой сути существования. Что такое жизнь? Мимолётный миг между рождением и смертью или нечто большее? Почему одни люди находят в ней радость и смысл, а другие — лишь боль и разочарование? Возможно, смысл не в том, чтобы найти ответы на все вопросы, а в том, чтобы продолжать идти вперёд, несмотря на них.

Смерть неизбежна — это факт, который пугает и одновременно освобождает. Но именно осознание её близости должно побуждать нас ценить каждый момент, каждое дыхание, каждый взгляд на мир. Аня представила, как миллионы людей по всему миру живут, любят, страдают, мечтают — и все они когда-то уйдут, оставив после себя лишь воспоминания. Но разве это делает их жизнь бессмысленной? Напротив — именно конечность придаёт ей особую ценность.

Она размышляла о цикличности всего сущего: как после дождя всегда наступает ясный день, как зима сменяется весной, как смерть даёт начало новой жизни. Природа знала какой-то древний, мудрый закон равновесия, который люди упорно пытались игнорировать. Мы боимся смерти, потому что не понимаем её и не знаем, что дальше хранится за этим словом. Но что, если смерть — это не конец, а переход? Что, если каждый миг нашей жизни — это мост между прошлым и будущим, между тьмой и светом?

Может быть, главная задача человека — не избежать стра-

даний, а научиться с ними жить? Принять их как часть пути, как учителей, которые показывают нам наши слабости и силы. Страх, боль, сомнения — всё это лишь инструменты, помогающие нам расти. А тьма, которая её преследует… может, это не враг, а зеркало, отражающее то, что она боится в себе увидеть?

Аня вспомнила, как в детстве мама рассказывала ей о бабочке, которая должна сама выбраться из кокона — если ей помочь, она никогда не сможет летать. Возможно, и человеку нужны трудности, чтобы раскрыться полностью? Чтобы понять, на что он действительно способен?

Время шло, и Аня, насквозь промокшая от влажной травы, наконец поднялась с земли. Она побрела дальше по извилистым дорожкам, всё ещё погружённая в свои мысли, теряясь в этих зелёных лабиринтах, которые словно отражали запутанность её собственной жизни.

Вскоре перед ней открылся новый вид: две дорожки, сомкнувшиеся в круг, несколько старых деревянных лавочек по периметру и огромная, величественная ива в центре. Её длинные ветви, лозы свисали по всему периметру этого удивительного места, создавая своеобразный шатёр, укрывающий от всего мира.

Неожиданно солнце выглянуло из-за серых туч, освещая мокрые дорожки. Они заблестели, словно покрытые тонким слоем стекла, и теперь слегка слепили глаза своим неожиданным сиянием. Лучи солнца пробивались сквозь ветви ивы,

рисуя на земле причудливые узоры света и тени. В этот миг всё вокруг казалось каким-то неземным, почти сказочным — будто это и впрямь был нежданный рай, спрятанный от суеты и тревог большого мира.

Глубоко вздохнув, Аня на мгновение замерла, впитывая эту красоту. Свет солнца согревал её промокшую одежду, а тёплый ветерок ласково обдувал лицо. Она почувствовала, как внутри что-то меняется — будто тяжёлый камень, столько времени давивший на грудь, начал понемногу растворяться.

«Может, и правда не нужно искать ответы на все вопросы? — подумала она. — Может, достаточно просто идти вперёд, доверяя жизни, принимая её такой, какая она есть — со всеми радостями и печалями, со светом и тьмой?»

Улыбнувшись чуть заметной, но искренней улыбкой, Аня повернулась и пошла прочь от этого сада — прочь от своих страхов, сомнений и тьмы, которая так долго её преследовала. Шаг за шагом она отдалялась от этого места, унося с собой не только воспоминания о красоте утреннего сада, но и новую, едва уловимую надежду на то, что впереди её ждёт что-то светлое. Ветер подхватил её слова, когда она тихо прошептала: «Я готова».

После столь долгого, почти мучительного размышления, затянувшегося, казалось, на долгое время, девушка наконец вернулась в реальность — с трудом оторвалась от водоворота собственных мыслей и заставила себя сосредоточиться на

настоящем. Впереди ждала новая миссия дня: привычные, но оттого не менее обременительные бытовые обязанности.

* * *

Вокруг кипела жизнь: кто-то, как и вчера, убирал территорию на улице — сметал опавшие листья, протирал скамейки, приводил в порядок дорожки. Но Ане досталось другое задание: её направили на кухню, помогать с готовкой обеда. Атмосфера здесь была совсем иной — более напряжённой, но в то же время какой-то домашней.

На обед должны были подать суп, и все без исключения старались сделать его по-настоящему вкусным. Никто не хотел довольствоваться чем-то невнятным: обрубками костей в бульоне или сырым картофелем, хрустевшим на зубах. Это было не просто приготовление пищи — это был своеобразный ритуал выживания, где каждая деталь имела значение.

Чем же занималась Аня? Она чистила картофель — монотонная, но необходимая работа. В руках у неё была обычная овощечистка, удобная, но требующая осторожности, хоть и лезвие не такое острое. Однако даже при такой, казалось бы, безобидной задаче, дежурные внимательно следили за всем процессом. Их взгляды скользили по лицам, ловили каждое движение — они не должны были пропустить очередную попытку самоубийства какого-нибудь душевнобольного. Никто не желал дополнительной работы в виде мойки полов от крови, да и мысль о «кровавом борще» вызывала содрогание у всех без исключения.

Вместе с Аней чистили овощи ещё две девушки. Каждая из них была по-своему примечательна, словно сошла со страниц разных книг.

Первая — белоснежная блондинка с глазами цвета неба, глубокими, как океан. Её внешность поражала своей миниатюрностью: тонкие черты лица, хрупкие плечи, движения, полные детской непосредственности. Казалось, ей лет десять, хоть это и не так. Ослепительно белая улыбка, будто вспышка света в этом сером месте, контрастировала с окружающей действительностью. «Рассвет» — точно не то место для такой милой девушки. Ей бы играть с куклами, гулять на площади с друзьями, смеяться беззаботно, а не стоять здесь, с овощечисткой в руках, среди пара и запахов готовящейся еды. Впрочем, её история оставалась загадкой для всех — никто не знал, что привело её сюда.

На ней не было ни единого шрама, ни признака болезни или перенесённых испытаний. Её боль выдавали только глаза — такие красивые, но пустые. В них не было ни любви, ни радости, ни даже грусти. Только холодный, отстранённый свет, напоминающий свет в конце туннеля — далёкий, недостижимый, лишённый надежды.

Вторая девушка, напротив, казалась полной противоположностью первой. Хотя «девушка» — слишком мягкое слово для неё; больше подошло бы назвать её «старым пеньком», насколько грубо это ни звучало бы. Причина была проста: очень низкий рост и возрастная кожа, свисавшая непри-

ятными морщинами — и на лице, и на руках. Её волосы были покрашены, что явно свидетельствовало о недавнем приезде сюда, но на корнях отчётливо виднелась седина — безжалостное напоминание о времени, которое не остановить.

Такой вид скручивает изнутри из-за полного ощущения, что старость не оттянешь. Она рано или поздно начнёт поглощать всё живое, изуродует тело, превратит нимфу в лешего. «Конец неизбежен» — эта мысль снова возникла в голове Ани, тяжёлой гирей повисла над сознанием. Кто бы мог подумать, что на краю своей жизни можно оказаться здесь, в этом месте, на лечении, а не где-нибудь на берегу Чёрного моря, где яркое солнце, тёплая вода и горячий песок? Где жизнь кажется бесконечной, а проблемы — мелкими и незначительными.

Работа на кухне шла полным ходом. Овощи чистились, резались аккуратными кубиками, мясо умело разделывалось опытными руками, вода в огромных кастрюлях закипала, издавая успокаивающее бульканье. Поначалу могло показаться, что в помещении царит хаос, но это было обманчивое впечатление. Бардак был лишь кажущимся — на самом деле всё двигалось по негласным правилам, отработанным годами. Множество людей помогало в готовке и уборке, каждый знал своё место и задачу.

Но была одна проблема — здесь слишком душно. Воздух был насыщен запахами: зажарки, чеснока, лаврового листа, перца. Эти ароматы смешивались, создавая плотную, почти

осязаемую атмосферу, от которой перехватывало дыхание. Казалось, что сам воздух пропитан усталостью и безысходностью, хотя еда, которую готовили, должна была дарить силы.

Спустя некоторое время еда была наконец приготовлена. К супу добавили ещё кое-что: чай в пластиковых стаканчиках — на весь персонал и проживающих здесь, а также хлеб с маслом, нарезанный аккуратными ломтиками. Всё это стали разливать по тарелкам и разносить по столам столовой.В помещение начала заваливаться толпа — люди заходили, рассаживались на свои места, переговаривались вполголоса, улыбались друг другу. Суп, который поставили перед каждым, оказался вкуснее, чем обычно. Аромат был насыщенным, бульон — прозрачным, овощи — мягкими, но не разваренными.

Аня, наблюдая за тем, как люди пробуют блюдо, невольно подумала: возможно, вкус еды действительно зависит от её участия. От того, сколько сил, внимания и даже души она вложила в этот процесс. В этот момент она почувствовала что-то новое — не просто обязанность, а причастность к чему-то важному, пусть даже в рамках этого ограниченного мира.

Неспешно употребляя пищу, Аня сидела за пустым столом — снова одна. Тишину нарушало лишь тихое постукивание вилки о тарелку да едва слышный гул холодильника где-то на заднем плане. Она отрешённо смотрела в окно, за

которым медленно угасал последний летний день, и вновь, в который раз, рутинно перебирала в памяти эпизоды своей жизни — словно перелистывала страницы старого альбома, где каждый снимок хранил тепло давно ушедших мгновений.

В памяти особенно ярко всплыл один из её дней рождения. Тогда брат проснулся ни свет ни заря — Аня помнила, как сквозь сон уловила скрип его кровати и тихие шаги в коридоре. Он, полный энтузиазма, тут же принялся за дело: вместе с мамой и папой надувал разноцветные шары — алые, лазурные, изумрудные, лимонно-жёлтые. Каждый шар, наполняясь воздухом, словно оживал, распухал и радостно подрагивал, будто готовясь вот-вот взлететь к потолку.

Потом они втроём, тихонько перешёптываясь и сдерживая смех, пробрались в комнату Ани. Брат, сияя от гордости, первым вошёл внутрь и, встав у изголовья кровати, запел детскую песенку про день рождения — фальшиво, но с таким воодушевлением, что даже родители не смогли сдержать улыбок. Папа подхватил мелодию, а мама, склонившись над Аней, нежно погладила её по волосам.

Когда Аня окончательно проснулась, перед ней предстала настоящая феерия: комната была увешана шарами, они покачивались над кроватью, цеплялись за шторы и даже прилипали к потолку. А на подушке, рядом с ней, лежала огромная плюшевая игрушка — мягкий, пушистый авокадо с добрыми глазами-бусинками. Рядом, на прикроватной тумбоч-

ке, красовалась коробочка с её любимым сушёным манго — ломтики янтарного цвета, чуть сморщенные, но такие ароматные.

Аня, ещё сонная, но уже охваченная волной восторга, села в кровати. Она сначала схватила манго — один ломтик, второй, третий, — ощущая, как сладкий, слегка терпкий вкус наполняет её рот. Потом, отложив коробочку, она бросилась обнимать игрушку, прижимая его к груди, целуя и шёпотом благодаря за такой чудесный подарок. С того дня авокадо стал её верным спутником: Аня спала с ним, брала его с собой на прогулки, усаживала рядом во время ужина и даже «доверяла» ему свои маленькие детские секреты. Он был не просто игрушкой — он был частью её мира, символом той безоблачной радости, которая царила в доме в тот день.

Комната в тот день выглядела особенно яркой и позитивной. Радужные шторы, колышущиеся от лёгкого сквозняка, переливались всеми цветами спектра, а постельное бельё с изображением разноцветных бабочек и цветов словно дополняло праздничную атмосферу. Шары, отражаясь в зеркале на стене, множились, создавая иллюзию настоящего волшебного сада. Даже солнечный луч, пробившийся сквозь щель в шторах, казался каким-то особенно золотистым и тёплым.

Дальше следовала традиционная церемония поздравлений. Все по очереди подходили к Ане, целовали её в щёку, а затем, смеясь, дёргали за уши — «чтобы росла хорошо и

счастливо». Уши, конечно, горели и становились алого цвета, но это было совсем не больно, а скорее забавно. Аня хохотала, пыталась увернуться, но каждый раз оказывалась в объятиях то мамы, то папы, то брата.Счастье в тот день казалось бесконечным, безграничным — оно заполняло комнату, проникало в каждую щель, в каждый уголок души, оставляя там тёплый след.

Мысли Ани плавно перетекли к другому воспоминанию — одному из празднований Нового года. Она словно снова оказалась за большим семейным столом, накрытым белоснежной скатертью. Вокруг шумели родные: мама что-то оживлённо рассказывала, папа кивал и вставлял свои комментарии, брат, уже подросток, пытался казаться серьёзным, но всё равно улыбался. Воздух был наполнен ароматами мандаринов, запечённой курицы и корицы, а на столе красовались салаты, закуски и большой торт в центре.

Когда на экране телевизора появились часы Спасской башни, все затихли. Секундная стрелка, казалось, двигалась медленнее обычного. И вот — бой курантов! Все вскочили, схватили бокалы, и раздался звон — громкий, мелодичный, почти оглушительный. «Ура!» — кричали они, чокаясь, смеясь, глядя друг другу в глаза. В этот момент мир словно остановился, а потом снова рванул вперёд — уже в новом году.

После тостов все вместе выбежали на улицу — морозный воздух обжёг щёки, но это только добавило азарта. Они стояли во дворе, задрав головы, и смотрели, как в небе расцве-

тают огненные цветы: алые, зелёные, золотые, рассыпающиеся сверкающими искрами. Салют длился всего несколько минут, но для Ани они растянулись в вечность.

По возвращении домой Аня и брат, не сговариваясь, бросились к ёлке. Она была высокой, настоящей лесной красавицей, с густыми ветвями, украшенными гирляндами и стеклянными шарами. Её верхушку венчала яркая звезда, которая, казалось, доставала до самого потолка. Под ёлкой, среди шуршащей мишуры, лежали две игрушки.

Аня подбежала первой и увидела плюшевую собаку — большую, с пушистым хвостом и большими ушами. «Собака!» — закричала она, схватила игрушку и прижала к себе, не в силах оторвать от неё взгляд. Но тут она заметила, что рядом лежит ещё одна похожая. Оказалось, что первая собака была подарком для брата, а её игрушка стояла чуть поодаль. На мгновение Аня почувствовала неловкость — она даже отпустила плюшевого пса, но брат только рассмеялся, обнял её и сказал: «Да бери обе, они же одинаковые!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.